различные иконографические варианты: и в профиль, и впрямь, и в рост, и по плечи, и по пояс. Однако здесь все же наблюдаются и некоторые индивидуальные, особенные черты: складки на щеках, характерная борода, восточный тип лица. Эти условные «портреты» встречаются с середины XVI до начала XVII в. Они показывают, что в XVI и XVII вв. авторитет Максима Грека как писателя, переводчика и публициста был очень велик. Не следует забывать, что Максим Грек с блестящим умом и талантом сумел во многих сочинениях обличить монастырское стяжательство, лихоимство, узурпацию центральной власти боярскими группировками. К его высказываниям внимательно прислушивались, и сам Иван Грозный «жаловал» посланиями Максима Грека. Чрезвычайно интересно, что многие из его требований, выраженных им в различных литературных произведениях, были приняты еще на Стоглавом соборе. Все это рисует нам Максима Грека как умного, смелого и резкого в суждениях писателя и публициста, который с некоторым фанатизмом отстаивал свои взгляды, слагавшиеся в борьбе «нестяжателей» и «нософлян». Обладая недюжинным темпераментом публициста, Максим Грек представлял собой яркую, хотя и несколько трагичную фигуру в русской культуре XVI в.

Новый этап в иконографии Максима Грека составляют его изображения как святого. Редкий список пространной редакции жития Максима Грека со сказанием о его «чудесах», датированный 1721 г., сообщает, что в 1593 г. царя Федора Иоанновича под Юрьевым Ливонским спас «от напрасные смерти» Максим Грек, явившийся ему во сне, и что «от сего времени великий государь Федор Иванович велию веру име ко преподобному многострадальному Максиму чудотворцу Радонежскому... И повеле изографу царские полаты имени Михаилу Чустову написать образ преподобного отца нашего Максима; и по царскому повелению написаша образ преподобного Максима и украсиша золотом и серебром и бисером и камением многоценным, и принесоша сам царь Федор Иванович в соборную церковь Успение пресвятой богородицы. И святейший Иов патриарх прииде в соборную церковь, и виде образ преподобного отца Максима Грека, и удивися велии красоте образу его и поклонися честному образу и царю... И сам святейший Иов патриарх и великий государь царь Федор Иванович поидоша во обитель живоначальных Троицы и к преподобным и чудотворным Сергию и Никону и к Максиму поклонитися».⁸ У нас нет оснований не доверять этому источнику так же, как не доверяет ему И. Денисов, не оставляющий за житием никакой научной ценности.⁹ Правда, нам неизвестно по другим документам имя царского иконописца Михаила Чустова. В «Повести о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси»¹⁰ мы также не встречаем никаких известий о Максиме Греке. Однако мы увидим ниже, что для возникновения почитания памяти Максима Грека во всех возможных формах — и в литературной, и в иконописной — на Руси в официальных правительственных и

⁸ ГБЛ, собр. Ундольского, № 338, лл. 89—91. Это житие издано дважды: 1) С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, прилож. 9—10, стр. XIII—СХХIV; 2) Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел, в. 7. М., 1900, прилож. 1.

⁹ Elie Denissoff. Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l'église russe. — Revue des études slaves, t. 31, fasc. 1—4. Paris, 1954, стр. 17—18. Денисов напрасно не обращает внимания на имена царя Федора Иоанновича и патриарха Иова, приведенные в житии № 338, на наш взгляд, отнюдь не случайно. Сам Денисов приписывает немалую роль патриарху Иову в реабилитации памяти Максима (стр. 11), но только с точки зрения узко литературной, агиографической, без внимания к другим формам почитания Максима Грека, в том числе к иконописи.

¹⁰ ПСРЛ, т. XIV, первая половина. СПб., 1910.